

УДК 94 (44)“1789” + 330.33(44)(09)

Л. П. Веремчук

АЛЕКСИС ТОКВИЛЬ О ФОРМИРОВАНИИ БУРЖУАЗНОГО УКЛАДА ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ЭКОНОМИКЕ ЭПОХИ СТАРОГО ПОРЯДКА

Предметом исследования является анализ содержания разработанной известным французским историком первой половины XIX в. Алексисом Токвилем концепции формирования буржуазного уклада во французской экономике эпохи Старого порядка как одной из предпосылок революционного процесса во Франции конца XVIII в. Предпринимается попытка доказать, что сложный и длительный процесс генезиса капитализма исследователь выводил не только из городской экономики, как делали это до него Гизо, Тьерри, Минье, но из феодальной системы в целом, в том числе из ее аграрной сферы. Это позволило Токвилю более глубоко и точно, нежели его предшественникам, реконструировать социальные процессы, протекавшие во Франции эпохи Старого порядка, и внести тем самым значительный вклад в исследование содержания и роли переходной эпохи от Средневековья к Новому времени в истории страны. В свете этих фактов оспаривается попытка историков «ревизионистского направления» упрекнуть Токвиля в недостаточном внимании к экономической стороне изучаемой проблемы. Методологическую основу исследования составили принципы историзма, научной объективности, достоверности; использован историко-генетический метод в изучении экономических явлений и процессов; дискурс-анализ (анализ единиц смысла) и контент-анализ текстов Токвиля.

К л ю ч е в ы е с л о в а: революция; феодальная система; капиталистический уклад; «laissez-faire; laissez-passer»; «droit de franc fief»; «les bourgeois»; «la bourgeoisie»; сеньориальные права; сеньориальные ренты.

Главным мотивом обращения к вопросу формирования буржуазного хозяйственного уклада во Франции эпохи Старого порядка для известного французского историка первой половины XIX в. Алексиса Токвиля стало его стремление изучить проблему исторической обусловленности Великой французской

ВЕРЕМЧУК Людмила Павловна — доктор исторических наук, профессор кафедры права и международных отношений Казахстанско-Американского свободного университета, Республика Казахстан, г. Усть-Каменогорск (e-mail: 269724@mail.ru).

© Веремчук Л. П., 2019

революции, ее закономерности, причинности, сущностного содержания, что ему в значительной степени удалось сделать. Вместе с тем эта сторона его творчества и сегодня остается малоизученной, что заставляет остановиться на ней более пристальный взгляд.

Токвиль констатировал тот бесспорный факт, что к началу XVIII в. во Франции «силы Средних веков истощились», средневековое общество парализовала «старческая немощь»; старые начала «скорее задерживают поступательное движение цивилизации, чем способствуют ему»; оно стало непроницаемым для «нового духа времени» [3, 33–34]. Это новое стремилось к жизни, развитию, укреплению своих позиций.

Сделанное наблюдение приводило ученого к мысли, что Старый порядок заключал в себе «целую группу учреждений новейшего происхождения», которые «легко могли занять место в новом обществе» [Там же, 229]. В недрах феодальной системы формировался общественный уклад, содержавший деятельное, энергично растущее буржуазное начало; «все, что живет, действует, производит, все это по своему происхождению ново, и не только ново, но даже противоположно прежнему» [Там же, 34]. Нарождавшиеся процессы и явления отторгали старое общественное начало и формировали в широких слоях социума новые интересы, потребности, ментальные установки, настроения, способствовавшие решительной борьбе против него.

Выявление существования капиталистического уклада в средневековой общественной системе Старого порядка, достаточно развитого для того, чтобы не только породить революцию, но и дать ей осуществиться, составило плодотворный элемент научного поиска Токвиля в исследовании французской истории переходной эпохи от Средневековья к Новому времени. Он утверждал, что к моменту начала революции феодализм во Франции был разрушен уже наполовину [Там же, 32].

В этом анализе главное внимание ученого оказалось сосредоточено на соотношении классов и классовых интересов во французском обществе XVII–XVIII вв. Он увидел глубокую связь революции с социальными противоречиями между классами этого общества, значимость соотношения классовых интересов в динамике исторического процесса. Этот аспект его идей по достоинству оценили такие признанные исследователи Великой французской революции, как Н. И. Кареев [1, 30] и Ж. Лефевр [9, 315].

В центр своего историко-социологического анализа ученый поместил три основных общественных класса позднефеодальной Франции — дворянство, буржуазию и крестьянство, справедливо полагая, что из конфликтов и противоречий именно этих классов родилась революция. Соответственно аспекту, избранному в предлагаемой публикации, остановим внимание на характеристике Токвилем социального статуса и хозяйственной деятельности тех социальных слоев позднефеодальной Франции, которые он обозначал в своих текстах по преимуществу терминами «*les bourgeois*», «*la bourgeoisie*» [11, 166].

Хорошо известно, насколько широко трактуется этот термин в исторической науке и насколько неоднозначно в связи с этим могут быть объяснены явления социального порядка. Достаточно вспомнить дискуссию о социальном содержании

событий Реформации и Великой крестьянской войны в Германии, всколыхнувшую советскую медиэвистику в 50-е гг. XX в. В 60–70-е гг. неоднозначность этого понятия породила спорные трактовки социальной структуры эпохи Старого порядка, дискуссию историков «классического» и «ревизионистского» направлений.

В историческом дискурсе Токвиля понятия «les bourgeois», «la bourgeoisie» используются неоднозначно. Ими он обозначал имущие слои средневекового города, характеризовал средние классы Франции эпохи Старого порядка и теми же терминами определял буржуазию XIX в., связанную с крупным товарным промышленным производством.

Столь широкое толкование терминов «les bourgeois», «la bourgeoisie» превращает их в некую трансцендентную форму, не позволяющую с точностью определить социальный характер явлений, с которыми ученый их ассоциировал. Попытаемся проследить, какую совокупность характеристик он прилагал к «буржуазии» эпохи Старого порядка, с какими сферами и родом экономической деятельности, источниками доходов и формами собственности ее связывал, как соотносил ее с другими социальными слоями общества.

Токвиль утверждал, что большая часть средних классов тогда населяла город [3, 107]. Значительное их число было связано со старыми средневековыми цеховыми формами, делившими городскую социум на множество мелких корпораций с традиционной для них замкнутостью, исключительностью, соперничеством, жесткой регламентацией всех сторон и всех процессов производства. Исследователь подчеркивал, что эти профессиональные корпорации все еще сохраняли свои достаточно сильные монопольные права на занятие ремеслом: трудно было «ускользнуть от ига цехов» [Там же, 92], считал их явлением феодальным по своей природе, самой косной и рутинной структурой позднефеодального социума.

Хозяйственная деятельность другой части городских средних классов эпохи Старого порядка, как показал Токвиль, была связана с новым — капиталистическим, внецеховым экономическим укладом. Характеризуя ее, он указывал на то, что уже в XVI–XVII вв. во многих городах Франции «существовали значительные типографии», основанные на труде наемных рабочих; в XVIII в. число их заметно возросло [Там же, 90]. Как известно, это производство не знало цеховых форм, поскольку по самой технологической основе могло быть организовано лишь как крупное товарное производство мануфактурного типа, основанное на принципе разделения труда в производственном процессе.

Утверждая, что прогресс промышленного производства и предпринимательства стал быстрым и видимым в последние десятилетия XVIII в., ученый писал: общественное благосостояние «развивается с беспримечной доселе быстротой»; «...народонаселение растет, богатства растут еще быстрее. Этот общественный подъем не замедляется и Американской войной: государство вовлекается ею в долги, но частные лица продолжают богатеть; усиливается промышленный дух, предприимчивость и изобретательность» [Там же, 193].

Опираясь на экономический анализ Артура Юнга, Токвиль отмечал, что в 1788 г. торговые обороты Бордо были значительнее торговых оборотов Ливерпуля — одного из самых развитых промышленных центров Англии, лидировавшей

тогда в мире по уровню экономического развития [3, 93]. Строятся дороги, каналы, заводы, фабричные печи; все это составляет объект внимания правительства и деятельности городских буржуа [Там же, 91, 93]. Историк отмечал, что в экономическую практику того времени начинали входить разработанные физиократами принципы «laissez-faire, laissez-passer» [Там же, 179].

Токвиль выявил неравномерность развития новых форм в различных регионах страны, отметил прочное и устойчивое сохранение феодализма в областях нижнего течения Луары, Бретани, Пуату. Именно там «революция встретила наиболее ожесточенное и продолжительное сопротивление» — писал он, имея в виду Вандею [Там же, 196]. Иные экономические тенденции ученый обнаруживал в развитии области Иль-де-Франс, ее экономическом центре — городе Париже. «Мы без труда убедимся, что Старый порядок всего ранее и наиболее глубоко был преобразован в областях, смежных с Парижем», — утверждал он [Там же, 195]. «Перестав быть простым центром обмена, сделок, потребления и удовольствий, Париж все более становился промышленным и мануфактурным городом» [Там же, 91–92].

Движущим началом этого экономического подъема являлась та часть «les bourgeois», «la bourgeoisie», из которой формировалась собственно буржуазия рождавшегося нового капиталистического общества. Прежде всего ее Токвиль имел в виду, когда писал, что важнейшей предпосылкой быстрого поступательного развития Франции эпохи Старого порядка являлась «нация, которая, в лице своих верхних слоев, была уже самую просвещенную и свободную из всех наций континента, и в среде которой каждый мог сколько угодно обогащаться и спокойно пользоваться однажды приобретенным состоянием» [Там же, 194].

Ученый указывал на то, что в эпоху Старого порядка возросли экономические возможности буржуазии, укрепилась ее собственность. Раньше и устойчивее, чем где-либо, эти тенденции проявили себя в развитых областях государства. Там буржуазии удавалось потеснить цехи, тем или иным путем получая от короля разрешение на промышленную деятельность вопреки их монопольным правам на занятие ремеслом в городе и городской округе. Именно таким образом возникли и успешно развивались Сент-Антуанское и Тампльское предместья Парижа, сыгравшие столь значительную роль в последующих революционных событиях. Ученый отмечал, что цехи оказывали губительное воздействие на новые экономические формы, не давая им возможности развиваться [Там же, 92].

Не менее пагубной для предпринимательской деятельности буржуазии являлась фискальная политика абсолютной монархии и ее бесчисленные регламентации в этой сфере. «Промышленность подвергалась не только стеснениям, налагаемым на нее цехами, институтом мастеров», иными ограничениями, но и отдавалась в «жертву всем причудам правительства» [Там же, 266]. В числе препятствий, которые встречали на своем пути новые экономические формы, Токвиль называл «неравномерное распределение повинностей, пестроту обычного права, существование внутренних таможен, феодальных повинностей, цехов, продажных должностей» и многое другое [Там же, 194].

Эти пути и препятствия, соединенные с несовершенством управления и злоупотреблениями властью имущих, создавали почву для революции, превращали

торгово-промышленные слои общества в активных сторонников глубоких социальных преобразований. «Вот почему, — писал исследователь, выражая эту мысль, — рентьеры, коммерсанты, промышленники и другие деловые или денежные люди, образующие обыкновенно класс, наиболее враждебный политическим нововведениям... на этот раз оказались классом наиболее нетерпеливым и решительным в деле реформ. Он с громкими криками требовал, прежде всего, полного переворота во всей финансовой системе» [3, 199].

Обобщая сказанное, можно утверждать, что Токвиль показал городских буржуа как имущий социальный слой, значительная часть которого во Франции эпохи Старого порядка была связана с новыми, нефеодальными, формами организации хозяйственной деятельности и новыми источниками доходов. Эта буржуазия, чрезвычайно стесненная в своей деловой активности старыми нормами, законами, обычаями, была в высшей степени недовольна ими, энергично требовала их упразднения.

Из торгово-промышленных предпринимательских слоев города Токвиль выводил ту часть «*les bourgeois*», «*la bourgeoisie*», которая вкладывала свои капиталы в аграрную сферу. В выявленном им процессе разорения дворянства и утраты им части своей земельной собственности эти буржуа были в числе тех, кто такие земли приобретал. «Живя обыкновенно в городах, — писал о них исследователь, — буржуа, однако же, нередко владел сельскими угодьями, а иногда приобретал даже дворянские поместья» [Там же, 97].

Рассматривая процесс постепенного перемещения земельного фонда из рук дворян в руки предпринимательской буржуазии, Токвиль, опираясь на документальные источники, констатировал тот действительный факт, что в развитых провинциях тогдашней Франции (Нормандия, Пикардия, территории близ Парижа) утвердились и успешно функционировали новые, нефеодальные формы организации аграрного производства. Значительная часть дворянских земель была соединена здесь в крупные хозяйственные комплексы, которые их собственники сдавали в фермерскую аренду городским буржуа, получая от этой аренды крупный доход [Там же, 290].

Такие фермы становились объектом активной предпринимательской деятельности. Токвиль утверждал, опираясь на доводы Тюрго, что на остальных землях сеньории, где сохранялись феодальные формы организации хозяйства, традиционные сеньориальные ренты составляли «лишь очень скромную долю дохода», и этой его статье здесь придавали почти номинальное значение [Там же].

В менее развитых провинциях Франции, справедливо замечал Токвиль, земли сеньорий не были собраны в крупные хозяйственные комплексы. Их феодальный собственник сеньор и его вассалы, как правило, не имели обширных барских запашек. Эта земельная собственность была разделена на многочисленные феодально зависимые крестьянские держания, обремененные традиционными поземельными рентами, главным образом зерновыми оброками, гарантией выплаты которых являлась круговая порука. Доход феодальных земельных собственников этих регионов состоял «почти целиком» из таких оброков [Там же].

Токвиль одним из первых обнаружил этот исторический факт, ввел его в научный оборот, описал процессы, сыгравшие важнейшую роль в становлении капиталистических форм аграрного хозяйства страны. К их глубокому изучению обратятся в XX столетии многие исследователи аграрного строя позднефеодальной Франции [2, 5–8].

Предпринимательскую деятельность в сельском хозяйстве ученый считал процессом гораздо более сложным, нежели в сфере торгово-промышленной. Он отмечал, что приобретение земли было делом дорогостоящим, доступным лишь крупному капиталу, чрезвычайно затрудненным феодальным законодательством [12, 26]. Историк приводил в пример «*droit de franc fief*» — особый налог на разночинцев, владевших дворянскими имениями [3, 120]. Токвиль уточнял, что «само дворянство желало бы отмены этой подати, так как последняя удерживала разночинцев от покупки его земель» [Там же, 121]. Тем не менее «*droit de franc fief*» сохранялся на протяжении всего Старого порядка. Его строго требовали к уплате (даже «сын уплачивает его при наследовании своему отцу» [Там же]), несмотря на то, что феодализм, с которым он был связан, во Франции XVIII в. был уже наполовину разрушен.

Богатый горожанин, вложивший капитал в покупку дворянской земли, тут же оказывался в поле действия сеньориальной администрации и сеньориального права. Порой оно ложилось на него даже большим бременем, чем на крестьян.

Стремясь уйти от гнета дворянских поземельных привилегий, такой «богатый разночинец предпочитал отдать свою недвижимость в аренду и удалиться в ближайший город» — писал ученый о трудностях организации предпринимательской деятельности в деревне [Там же, 108]; отмечал, что эти трудности мешали развитию новых, товарных форм земледельческого производства [Там же, 109, 121].

Подводя итог суждениям Токвиля относительно экономической основы деятельности буржуазии эпохи Старого порядка, выделим следующие основные положения. Социальный строй Франции того времени ученый считал еще наполовину феодальным, однако уже существенно обновленным формами, связанными с капиталистическим предпринимательством как в сфере промышленности и торговли (в большей степени), так и в сфере аграрной (в меньшей степени). Значительная часть тех «*les bourgeois*», о которых он писал, была занята этой новой деятельностью, имела иные, нежели феодальные социальные слои, источники доходов и экономические интересы. Старый порядок стеснял и сдерживал их развитие, вызывал их недовольство и противодействие, формировал в предпринимательских слоях революционные настроения.

Следует отметить то обстоятельство, что сложный и длительный процесс генезиса капитализма исследователь выводил не только из городской экономики, как делали это до него Гизо, Тьерри, Минье, но из феодальной системы в целом, в том числе из ее аграрной сферы. Это позволило ему гораздо более глубоко, нежели его предшественникам, реконструировать социальные процессы, протекавшие во Франции в XVIII в., и внести тем самым значительный вклад в исследование переходной эпохи от Средневековья к Новому времени. В свете этих фактов представляется необоснованной попытка некоторых комментаторов Токвиля упрекать

его в недостаточном внимании к экономической стороне изучаемой проблемы, как это делает, в частности, Ф. Фюре, характеризующий эту сторону идей ученого определениями («поверхностный», «неконкретный»), не согласующимися с ее действительным содержанием [4, 159–162].

Возражая этим негативным оценкам, отметим, что, не разворачивая обширных экономических и статистических характеристик, Токвиль, однако, показывал общее содержание изучаемых им экономических явлений на таком глубоком сущностном уровне, который позволял ему с большой степенью адекватности трактовать историческую конкретику. В этом смысле совершенно бесспорным представляется утверждение Ж. Лефевра относительно того, что и в исследовании об американской демократии, и в книге «Старый порядок и революция» Токвиль оставил такие образцы социально-экономического анализа, которые во многом стали классическими [10, 21–22], позволили ему существенно уточнить интерпретацию истории [Там же, 23].

-
1. Кареев Н. И. Западная Европа в Новое время. Революция и наполеоновская эпоха. Петербург, 1922. 124 с.
 2. Люблинская А. Д. Французские крестьяне в XVI–XVIII вв. Л., 1978. 254 с.
 3. Токвиль А. Старый порядок и революция. М., 1896. 350 с.
 4. Фюре Ф. Постигение Французской революции. СПб., 1998. 224 с.
 5. Червоная Т. М. Крестьянство юга Парижского района в XVI–XVII вв. // Средние века, М., 1971. Вып. 34. С. 191–200.
 6. Червоная Т. М. Проблема становления капиталистического фермерства во Франции XVII в. // Средние века. М., 1972. Вып. 35. С. 93–113.
 7. Constant J.-M. La propriété et le problème de la constitution des fermes sur les censives en Beauce aux XVI-e et XVII-e siècles // Revue historique. 1973. № 506.
 8. Jacquart J. La crise rurale en Ile-de-France. 1550–1670. P., 1974. 800 p.
 9. Lefebvre G. À propos de Tocqueville // Annales historiques de la Révolution française. 1955. Oct. – Déc. P. 313–323.
 10. Lefebvre G. Introduction // Tocqueville A. de. Œuvres complètes. P., 1952. Vol. 2. P. 9–30.
 11. Tocqueville A. de. L'ancien régime et la Révolution. P., 1857. 479 p.
 12. Tocqueville A. de. Œuvres complètes. P., 1877. Vol. 8.

Статья поступила в редакцию 03.04.2019 г.